

Ольга Скалмант

НЕ ПРОХОДИ МИМО РОЗЫ

Рассказы

Ольга Скалмант

Не проходи мимо розы. Рассказы

«Издательские решения»

Скалмант О.

Не проходи мимо розы. Рассказы / О. Скалмант — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854829-1

Неважно когда. Главное, что они совершают те самые поступки, которые и помогают не пройти мимо розы — символа жизни и любви.

ISBN 978-5-44-854829-1

© Скалмант О.
© Издательские решения

Содержание

Высокая кухня	6
Любил, люблю, буду любить	9
Вид на проходящие мимо поезда	10
Связь	12
Свобода выбора	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Не проходи мимо розы

Рассказы

Ольга Скалмант

Известно, что в древности греки носили розы на голове и на груди в знак траура и считали это напоминанием о кратковременности нашей жизни, которая так же быстро увядает, как и прекрасная роза. Они говорили: «Если ты прошёл мимо розы, то не ищи её более».

© Ольга Скалмант, 2017

ISBN 978-5-4485-4829-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Высокая кухня

Вопрос в деньгах. Когда их нет, а холодильник пустой, и жена требует сапоги, можно изловчиться и сделать всё, что угодно... ну, или почти всё.

Вот и я. Как только прочитал объявление «ресторану высокой кухни требуется помощник повара», позвонил и сказал именно то, что они хотели услышать о безразмерном опыте и коммуникабельном характере – выдумывать-то истории я умею.

Сразу предупреждаю: помощником повара никогда не работал. Я – писатель. Понимаете теперь, да?

На писательскую зарплату нормально живут только Дэн Браун и Стефани Майер. Остальные перебиваются, как могут: статейки всякие, переводы, ночные сторожа и прочая, отвлекающая от творчества, ерунда.

Я ещё подумал, что при ресторане не надо на еду тратиться – там всегда покормят. У друга мать в столовой работает, так она и домой приносит овощи, фрукты, мясо и по мелочам. Кроме того, труд физический – картошку почистить, колбаску постругать – значит, голова свободна для обдумывания сюжетов романов. Да и сам ресторан в десяти минутах пешком от дома. В общем, место во всех отношениях подходящее.

Правда, несколько смутило словосочетание «высокой кухни», но не остановило – на месте разберёмся.

Ну, что. Пришёл в назначенный час в ресторан на собеседование. Волновался, конечно, немного.

Наученный горьким опытом предыдущей работы помощником лаборанта в одной частной ветеринарной клинике, накануне просмотрел кулинарную книгу жены. Особых специфических терминов там не заметил, а килограммами, литрами, миллиграммами меня не испугаешь – в школе почти отличником был.

Кстати, некоторые рецепты даже было интересно читать, а ещё интереснее их названия: жульен с белыми грибами, телячья ножка в яблочном сидре, канапе с красной икрой, сливками и авокадо. Или вот: малиновый мусс со сметаной, шоколадное суфле с вишней, мороженное с вином «Мускат»... что-то я отвлёкся.

Беседовал со мной их главный: шеф-повар. Первым делом похвастался, что он учился в Париже на каких-то очень престижных курсах, поэтому у них технологии приготовления на французский манер. Жарят, например, на сливочном масле, а не на оливковом, и ещё что-то мне объяснял, но я не понял.

– И у Адриана Фера я проходил недельную стажировку. Знаешь его, да? – спросил у меня шеф-повар.

– А то, – я бывало улыбнулся, хотя сам понятия не имел, о ком идёт речь.

Любопытство писателя заставило потом посмотреть в интернете. Адриан Фера оказался шефом лучшего в мире ресторана Эль Були в Испании... Н-да. «Если падать с коня, то с высокого», – напутствовала меня в детстве бабушка. Как в воду глядела.

– Высокая кухня – не женское дело, – шеф искренне радовался, что я мужчина и, в придачу, безработный. – Сможешь сразу приступить, переодевайся. Помощник нам как воздух сейчас нужен. Работы море, а рук не хватает.

Через десять минут я уже стоял посреди кухни в белых хлопковых брюках и из такого же материала халате – что-то вроде хирурга, если бы не мои кроссовки.

Как и предполагал (вот оно, писательское пророчество), меня поставили на чистку картофеля.

Это медитативное занятие навело на мысль о том, что моему герою во второй главе не обязательно ехать в Андорру на лыжный курорт. Зачем переться в такую даль, если он смо-

жет встретить женщину своей мечты в соседнем супермаркете, когда пойдёт за картошкой, у неё кто-то украдёт кошелёк, она обнаружит пропажу только на кассе, вот он за неё и расплатится, с этой встречи и завяжется их любовь. Маловато романтики, зато жизненно. А это сейчас опять модно.

Я был рад. Мой первый день в ресторане высокой кухни был очень продуктивен. После картошки мыл посуду.

Да, у них есть посудомоечная машина, но в том-то всё и дело, что высокая кухня требует особых тарелок и стаканов, хрупких и а ля эксклюзивный дизайн. Такое моют вручную. Пока я это делал, придумал, что кошелёк у неё никто не крал. Она – шпионка, подосланная к нему американскими спецслужбами, потому что он работает в русской секретной лаборатории по производству чипов, способных превратить человека в зомби.

Если так и дальше пойдёт, к концу месяца я закончу роман, ещё и денег заработаю. Не на романе, конечно.

Первый раз в жизни я почувствовал, что шанс есть и у меня. Не то, что бы мне не везёт, но и ничего хорошего тоже не случается. А тут вдруг идеальная работа, жена довольна, стремительно пишется по ночам роман. Наверное, вот он – источник вдохновения, мой Пегас: мешок нечищенной картошки, гора невымытой посуды и мысль в свободном полёте.

Беда всё же пришла.

– Ты молодец, выдержал испытание чёрной работой, – сказал мне шеф одним, тогда ещё казалось сказочным, утром. – У нас на кухне, как в армии, начинают с мытья сортиров, а заканчивают... Ну ты понял.

– Угу, – кивнул я в предчувствии неладного.

– Дам тебе сегодня более сложное задание. Пойдёшь на панировку. Ты должен уметь правильно панировать.

Пани...? Это ещё что.

«Главное, не впадать в панику, и не из такого выкручивались», – мысленно успокаивал себя.

Но на душе стало как-то тревожно. Нехотя поллёлся за шефом в соседний зал полуфабрикатов. Там и случился дальнейший кошмар.

Панировать, то есть обваливать в сухих хлебных крошках, нужно было рыбные крокеты. Если кто не знает, рыбные крокеты – это такие жаренные во фритюре тефтели из рыбного фарша.

Я и сам впервые их увидел, когда шеф достал из морозильной камеры пакет с белыми шариками и протянул мне:

– Держи. Сначала в яичной смеси, как обычно, потом в сухарях, выкладываешь вон в ту ёмкость, ставишь дату и обратно в морозилку. – И показал мне, как он это делает.

Не буду здесь описывать процесс, но там есть определённая техника и секрет, которые шеф мне открыл. В целом ничего сложного. От сердца отлегло.

Всю смену я панировал, обдумывая детали любовной сцены с моим русским учёным и американской шпионкой. Было над чем пофантазировать, всё-таки разный менталитет, встреча культур, скрытый конфликт.

Когда закончились панировочные крошки, пошёл за новой порцией в кладовку. Там они хранились в пластиковых прозрачных литровых банках. И откуда мне было знать, что тростниковый сахар лежит в таких же литровых банках и выглядит так же, как эти крошки: мелкий и золотисто-коричневый?

Банки были подписаны, но, осенённый тем, что американская шпионка влюбилась в русского учёного и теперь засомневалась, сможет ли его убить, я взял банку с тростниковым сахаром и, ничего не подозревая, до вечера преспокойно панировал рыбные крокеты в сахаре...

И всё-таки шанс у меня есть! На завтра я взял выходной, поэтому мне не набили морду под горячую руку, когда разразился скандал с посетителями, а просто выкинули следующим утром на улицу. Да, мои рыбные крокеты в сахаре там ещё долго будут вспоминать.

Официант, свой парень, мне потом рассказал, что клиенты поначалу морщились в непонимании, но ели, чтобы не ударить лицом в грязь – думали, что такая задумка шефа: сочетание солёного и сладкого. Но потом кто-то не выдержал, и всё всплыло. А банка тростникового сахара, которую я оставил по рассеянности на столе в цехе полуфабрикатов, стала неопровержимой уликой против меня.

Пока не известно, чем закончится мой роман про русского учёного и американскую шпионку – нужно найти подходящую работу.

Любил, люблю, буду любить

Мы возвращались домой из реабилитационной клиники. Роман за рулём молчал. И он, и я – оба чувствовали себя подавленными, но не поговорить было нельзя. Начала первая.

– Рома, если бы это случилось со мной, ты... ты бы остался?

Он даже ни на секунду не задумался, сразу ответил:

– Конечно, остался бы. А ты?

– Я? – я задумалась.

Вспомнила лицо Валерии, когда мы зашли в палату, – лицо человека без маски. Она чуть улыбнулась, и было видно, что действительно рада нас видеть. Потом вдруг покраснела, и я отчётливо поняла, что ей неловко за своё беспомощное положение.

Глаза Валерии безмолвно просили нас тоже не играть.

– Уже известно, ничего нельзя сделать. – тихо сказала Валерия.

Этой зимой она с мужем Эриком по традиции проводила рождественские каникулы на лыжном курорте. Что-то случилось с подъёмником, он резко остановился, и Валерия упала спиной на металлический столб. Сознание не потеряла, потому что не почувствовала боли, а просто сказала мужу:

– Вызывай врачей, я не могу шевелиться.

За окном палаты раскинулась салатная лужайка – ни цветочка на ней, ни случайной травинки – всё, как задумал садовник, ровно и предсказуемо. А если появится вдруг сорняк, то садовник вырвет его безжалостной рукой, и ничто и никогда не испортит идеальную лужайку. Только жизнь не лужайка, а бог не садовник.

Была Пасха. Мы привезли кулич. Роман развернул его на тумбочке, нарезал:

– Не представляю, как ты справляешься, Валерия.

– Это невозможно представить. Если бы не Эрик, я бы убила себя.

– У них должен быть психолог.

– Приходила девушка два раза, совсем молодая. Я отказалась.

– Почему?

– Она боится. В итоге не она, а я ей помогаю.

Верхняя половина туловища Валерии осталась подвижной. Она нажала кнопку на пульте, изголовье кровати медленно поднялось. Валерия приняла сидячее положение.

Мы вместе ели пасхальную булку. Валерия рассказывала, как теперь нужно преобразовать дом: сделать пандус для инвалидного кресла, опустить шкафчики на кухне, совместить ванную с уборной. Мне хотелось убежать, чтобы не слышать и не видеть её.

Вошла медсестра:

– Время процедур. Посетителей просим уйти.

Мы попрощались, направились к двери. По дороге увидела на стене напротив кровати Валерии фотографию, где она вдвоём с Эриком, а сверху надпись от руки: «Любил, люблю, буду любить.»

Роман ждал ответа. Я посмотрела на его руки, обхватившие руль, – хочу их видеть всегда.

– Что бы не случилось, – сказала, – я буду с тобой.

Вид на проходящие мимо поезда

- Куда ты меня везёшь?
- Друг ключи от квартиры оставил. Нам повезло.
- Да, нам действительно повезло, – я сказала с иронией в голосе.
- Что ты имеешь в виду?
- Ты знаешь что.

Андрей остановил машину у двухэтажного кирпичного жилого здания послевоенных времён. Сейчас эти дома отреставрированы – квартиры в них стоят дорого. Большие окна, высокие потолки, деревянные полы и тишина.

– Лика, прошу тебя, давай не буем портить вечер и говорить на неприятные темы. Договорились? – Андрей поставил на журнальный столик поднос.

Бутылка шампанского, ваза с клубникой, шоколадка, два узких высоких бокала – стандартный набор.

Вдруг за окном загрохотало. Бокалы задребезжали на металлическом подносе.

– Что это?

– Поезд. Железная дорога проходит очень близко. Но какая разница, нам здесь не жить.

– А где нам жить?

– Лика, попросил же, не начинай. – Андрей разлил шампанское, передал мне бокал: – Клубнику ешь. Самую лучшую для тебя выбирал.

Пригубила шипучую холодную жидкость. Взяла ягоду клубники. Повертела в пальцах, положила обратно в вазу. Не хочется. Всегда так. Шампанское в квартире какого-нибудь друга, который уехал, или ужин в ресторане. Чужая кровать или номер в гостинице. Короткое счастье и долгая грусть расставания.

– Понимаю, что плохо. Мне тоже без тебя плохо. Но не могу я часто ездить в командировки, – оправдывался Андрей, – она не поверит.

Я подумала про себя:

– Вот и хорошо, если не поверит. Не надо будет больше врать. Наконец-то мы сможем быть вместе всегда, а не короткими перебежками в чужих квартирах.

Только вслух сказать не решилась. Я никогда не решалась сказать вслух о разводе. Страшно, что Андрею не понравится. Казалось, он первый должен завести разговор о своих отношениях с женой, первым принять решение. Но время шло, а он избегал «разговоров на неприятные темы».

Выпила шампанское. До клубники не дотронулась. На шоколад не посмотрела.

Андрей рассказывал о проблемах на работе, жаловался на партнёра по сделке, хвалил поставщика. При этом называл имена людей, которых я никогда не видела и не увижу.

Чужие люди, далёкие имена.

Сколько неопределённости между нами.

– Приготовлю кровать, приму душ. Посидишь немного одна? – Не дождавшись ответа, Андрей вышел из зала.

А у него всё определено, всё ясно. Жена, сын, любовница. Это я страдаю, строю планы о его разводе, о нашей будущей семье. Налила шампанского, залпом выпила почти половину бокала.

– Я когда тебя увидел, сразу решил, что будешь моей женой, – сказал Андрей на первом свидании.

Мы познакомились на вечеринке у общих друзей. Он пришёл один. Вёл себя как холостяк. Мне и в голову не пришло, что он женат. Если бы знала, не позволила бы себе ни встре-

чаться с ним, ни влюбляться в него. И не потому, что я такая правильная, чтобы строить счастье на чужом горе. Нет. Просто не верю в свободу женатых мужчин.

Почему же тогда я с Андреем?

Он мне ничего не сказал. Через несколько встреч я сама поняла. Свидания на чужих квартирах, спешка, суэта... Не выдержала:

– Ты женат?

– А разве я не говорил? – Искренне удивился Андрей.

В этот момент я сломалась. Стало жаль его. Появилась надежда, что разведётся – ведь у нас серьёзно, а его жена – недоразумение, ошибка. Поправимая ошибка.

Прошло два года, и вот я здесь. С ним. В чужой квартире с видом на проходящие мимо поезда. Шум воды в ванной. Я стою у окна с почти пустым бокалом шампанского. Мимо проходит поезд. Мне тридцать два. И моя жизнь проходит как этот поезд. Мимо меня. Мимо.

– Вот и я. – Голос Андрея за спиной. – Соскучилась?

Больше не хочу так.

– Андрей! – Обернулась решительно. – Нам надо поговорить.

– Т-с-с-с, – он приложил палец к моим губам.

Почему-то я была уверена, что его жена некрасивая, немолодая, неприятная женщина, пока случайно не увидела их вместе в парке. Облокотившись на ограду, Андрей наблюдал как она с сыном катается на лодочках. Я стояла за деревом и рассматривала его жену. Молодая, красивая, весёлая. Она звонко смеялась, махала рукой Андрею, отправлял ему воздушные поцелуи. Он достал телефон, сфотографировал их. Поднял большой палец вверх, мол, классно получилось. В общем, всё у них было классно.

– До клубники не дотронулась. А я так старался, выбирал, – обиженно заметил Андрей.

– Тебе во сколько дома нужно быть?

– Завтра в обед сказал вернусь. Срочная командировка.

А потом она мне позвонила.

– Я – жена Андрея. Твой номер у него в мобильнике нашла. Думаешь, разведётся? Не надейся, – сказала она голосом старой подруги. – Дело даже не в любви. Мой отец его на работу устроил, кредиты помогает выбивать и всё-такое. Так что без меня он ноль без палочки. Поняла?

Да, поняла.

Ещё один поезд прошёл мимо. Интересно, что в вагонах сейчас делают люди? Спят, читают, играют в карты? Есть ли там кто-то как я, чья жизнь проходит мимо. Но мне всего тридцать два. Хочется семью, детей. Я устала проводить вечера одна, в мечтах, что Андрей когда-нибудь разведётся, и мы поженимся. Устала. Больше не верю в наше счастье.

Андрей спит рядом. Если бы не чужая кровать, можно было бы подумать, что мы вместе у себя дома проводим очередную супружескую ночь.

Я больше не хочу себя обманывать.

Тихо, чтобы не разбудить Андрея, встала. Нащупала в темноте одежду. Вышла из спальни. Оделась в коридоре. Может, оставить ему записку. Но что написать? Любила, целую, прощай навсегда. Глупо. Он поймёт без слов.

На улице никого. Старый район. Я здесь впервые. Куда мне теперь идти?

Длинный приглушённый гудок, шум чугунных колёс, ветер в лицо – я ещё успею вскочить в проходящий мимо поезд!

СВЯЗЬ

Тени подошла к окну, и Марк увидел, как свет утреннего солнца проходит сквозь неё. Контур тела едва угадывался, поэтому зелёное шёлковое платье казалось одетым на призрака.

– Сегодня утром ты стала ещё прозрачнее, – сдерживая волнение, сказал он ей.

– Знаю, Марк, – Тени спокойно посмотрела на мужа.

Марк вздрогнул и отвернулся... Её глаза, влажные, на фоне исчезающего лица стали ярче прежнего. Он всегда избегал смотреть в них – боялся глубины. От одной только мысли о её взгляде едко щекотало под ложечкой, и кружилась голова, будто стоишь на краю обрыва перед бездной... Тени перевела взгляд в пространство гостиной, залитой тёплыми лучами света.

С трудом сдерживая слёзы от того, что его любимая Тени скоро исчезнет, и он не сможет ни восстановить её образ в памяти, ни встретиться с ней во сне, Марк в иллюзорной надежде спросил:

– Ты что-нибудь чувствуешь?

– Нет. На ощупь ничего не чувствую... Но странно, теперь мои переживания сильнее и ярче, чем раньше. Знаешь, мне никогда не было так приятно смотреть на обычные пятна света на стене. Только сейчас, когда близка к растворению и понимаю, что больше не увижу солнца, я очень остро ощущаю, как прекрасен его свет.

Марк сжал кулаки в отчаянии. Ведь он догадывался, что с женой случится неладное. Опасения возникли, когда Тени стала подниматься вверх по карьерной лестнице. Она пропадала на работе и в командировках. Дом без неё опустел и стремительно покрывался тоскливой плесенью одиночества. Но самое страшное наступило после заражения Тени вирусом потери притяжения.

Никто не знал, откуда возник этот вирус. Ему подвергались только женщины, пожертвовавшие семьёй ради работы. Вирус уничтожал гем – комплексное соединение железа в крови. Терялось магнитное притяжение с центром планеты, и постепенно тело женщины становилось прозрачным, навсегда сливалось с матрицей.

Зная всё это, Марк насильно не удерживал жену дома, а только лишь предложил пройти курс вербальной терапии. Но она отказалась.

– Все эти курсы заканчиваются одним и тем же, Марк, – желанием стать домохозяйкой.

– А чем тебе не нравится дома?

– Не видеть ничего кроме кухни, прихожей и спальни – вот чем.

– Это ты сейчас так говоришь, Тени. А после терапии увидишь что-то ещё, что сейчас не способна заметить.

– Без всякой терапии я способна заметить, что ты зарабатываешь недостаточно. Мне надоело жить в кредит и во всём себя ограничивать.

– Дай мне ещё немного времени.

– Нет, – отрезала Тени, – не хочу больше ждать.

Ему нечего было ответить. Да, он много работал, придумывал всё новые и новые проекты, зарабатывал, а денег всё равно не хватало. Разве возможно угнаться за ценами?

Сейчас Марку было плохо. Его охватывало чувство вины, и пугало неизбежное беспомощество – осложнение у мужчин после растворения их жён от вируса потери притяжения.

По телевидению и в прессе умалчивали об эпидемии вируса. Но Марк, как и другие люди, замечал, что женщин становится всё меньше и меньше, а мужчины сходят с ума от чувства вины, одиночества и безысходности.

Так уже случилось с другом Ивом. Его жена слилась с матрицей год назад. Без неё Ив совсем потерял голову. Воображает себя то астронавтом, то боевиком, то великим политиком.

Несколько дней назад Марк встретил его в городе, расклеивающим листовки со своим портретом. Ив зазывал прохожих на выборы президента.

– Придёшь голосовать за меня, Марк? – Спросил он, подтягивая грязные, оборванные, без ремня брюки. – Светлое будущее и низкие цены обещаю.

– Конечно, приду. – Марк с трудом узнал в исхудавшем, небритом мужчине своего друга и решил не допустить того, чтобы с ним и с его Тени случилось подобное.

...Тени, оставаясь всё так же у окна, наблюдала за играющими во дворе соседскими детьми. Марк подошёл к ней, взял за едва видимую руку. Скользящая и прохладная, как стекло, её кожа шокировала. Захотелось убежать, спрятаться от жуткого ощущения прозрачности тела. Но Марк вспомнил спятившего Ива в пыльных, расшнурованных ботинках, его потерянный и пустой взгляд, бредовую речь, и сделал над собой усилие – остался.

– У нас есть ещё один выход, Тени, – сказал он, продолжая держать жену за ледяную руку.

– Ты о переливании?

– Да, я дам тебе свою кровь.

– А если я забуду себя? Смотри, что случилось со Стеф. После переливания превратилась в толстуху, разговоры только про мужа да про детей, перестала следить за собой. А муж, глядя, как она опустила, завёл любовницу. Не хочу быть похожей на неё. Лучше слиться с матрицей.

– Не волнуйся. С нами такого не случится.

– Это пугает, Марк.

– Доверься мне. Я постараюсь сделать всё, чтобы ты чувствовала себя в безопасности.

Доктор озабоченно смотрел на них из под очков:

– Буду откровенен. Результаты анализов хуже, чем я ожидал. Катастрофическая нехватка духовной связи – показатель на несколько порядков ниже нормы. На фоне падения человеческого общения истинные ценности замещены ложными, навязанными вирусом. Болезнь развивается очень быстро. У вас осталось совсем мало времени. Если хотите изменить положение, нужно поторопиться с решением.

– Мы согласны на переливание, – сказал Марк, – прямо сейчас. За этим и пришли.

– Хорошо. Это разумно. Тогда подпишите договор, и приступим немедленно.

– Договор? – Глаза Тени стали ещё ярче от испуга.

– Да, ваше согласие с условиями и последствиями переливания. – Доктор с готовностью открыл ящик стола и достал лист писчей бумаги с печатным текстом, положил перед ними. – Пожалуйста.

Марк быстро пробежал по странице, взял ручку и подписал. Нетерпеливо забарабанил пальцами по столу.

Тени внимательно вчитывалась в каждое слово. Наконец подняла голову от договора и обратилась к Доктору:

– Что значит «информация, содержащаяся в крови» и «за проявления личности донора в вашем теле ответственности не несём»?

Доктор недовольно вздохнул:

– Разве вам не известно, что в крови закодирована программа жизни?

– Известно.

– Так в чём же дело? Ни вы первая, ни вы последняя, милочка, и сами прекрасно понимаете, что должны будете принять программу вашего мужа. Так к чему лишние вопросы? На них мы только теряем драгоценное время. Взгляните, – он нервно бросил ей бланк с анализами, – ферум практически на нуле. Вас почти не видно. Одной ногой уже в матрице, а ещё упрямитесь.

– Я просто хочу знать, – тихо, но настойчиво продолжила она, – я хочу знать программу жизни моего мужа, прежде чем...

– Невозможно, – раздражённо перебил Доктор, – абсолютно невозможно сейчас. Мы не открываем программу. Это условие лечения. И вы об это предупреждены. После переливания узнаете сами в процессе жизни.

В кабинете наступило молчание – ждали решения Тени.

Молясь про себя, чтобы она подписала договор, и покрываясь холодным потом от волнения, Марк рассматривал картину, висевшую на стене над головой Доктора. Песчаный берег и море, уходящее в даль, были изображены так искусно, что Марк ощутил под ногами тёплые песчинки пляжа, приятную прохладу набегающей волнами воды и в лёгких – воздух, пропитанный йодом. Морская даль манила, поглощая страх глубины и неизвестности.

– Подписываете или нет? – Доктор нетерпеливо посмотрел на часы. – Меня в приёмной ждут другие пациенты.

Тени повернулась к мужу, но Марк привычно ускользнул от её взгляда.

– Хорошо. Я выбираю остаться здесь, – объявила она и поставила подпись.

Вскоре после переливания Тени стала полностью видимой и тёплой. Больше не вернулась на работу. Хлопотала по хозяйству, устраивала дом и сама, первая заговорила о детях.

– А твоя карьера? – Марк, по рекомендации Доктора, задал контрольный вопрос.

– О чём ты, любимый? Разве может для меня быть что-то главнее, чем ты, дети и наша семья.

Получив именно то, что хотел, Марк, довольный, расправил плечи. Его дела стремительно пошли в гору. Одновременно что-то изменилось в министерстве экономики, в результате понизили налог на добавочную стоимость. Цены на рынке упали – стало легче дышать.

Как-то Марк вернулся вечером с работы домой и застал Тени, сидящей неподвижно в темноте. Она смотрела перед собой, не обращая на него внимания.

– Что случилось? – тревожно спросил Марк, включая свет в комнате. – Ты опять исчезаешь?

– Нет, Марк, не исчезаю. Но мне очень плохо. Я как будто не у себя дома. И на этот раз дело в тебе. Ведь я теперь твоя половина.

Марк выронил портфель и опустился перед женой на колени.

– Не пугай так меня. Объясни, что я сделал не так. Всё это время я прислушивался к твоим желаниям и реализовывал их. Программа моей жизни – это исполнение твоих желаний, теперь ты знаешь.

Она кивнула.

– Так что тогда?

– ... Мне мешают твои воспоминания.

Марк резко встал, обхватил голову руками и стал ходить по комнате взад-вперёд. Потом остановился и сказал:

– Так и знал, я так и знал: ты не сможешь. Но пойми, мне так трудно отказаться от прошлой жизни.

Тени не двигалась, продолжая молчать.

– Да, – не дождавшись её ответа, продолжил Марк, – прошлого больше не существует между нами. Это только моё воображение. И оно тянет нас назад. Да. Но кто я без прошлого?

– Твои воспоминания занимают место между нами. Из-за этого мы теряем настоящее.

– Как же я буду жить без своих воспоминаний? – Марк вновь заходил по комнате.

Тогда Тени подошла к нему и остановила за руку:

– Посмотри на меня.

Он сверху бегло глянул ей в лицо, избегая глаз. Признался:

– Не могу, Тени.

– Если любишь, посмотри в мои глаза. Там увидишь мир, в котором ты —настоящий. И прошлое нам больше не понадобится. Поверь мне.

Он глубоко вдохнул, как перед прыжком с обрыва в воду, и, преодолевая страх глубины и неизвестности, впервые посмотрел в её глаза...

Пологий берег. Под ногами тёплый песок. Приятная прохлада набегающей волнами воды. И воздух, пропитанный йодом. Морская даль.

Свобода выбора

Леонид никогда не оставался у меня на ночь.

– Мне пора, заяц. – Он надевает пиджак, скомканный галстук засовывает в карман. –
Перезвоню.

И не потому, что женат. Нет. Он один, как и я.

– Это привычка, заяц, – объяснял Леонид, – ночью всегда дома один.

В какой-то момент, после нескольких лет с Леонидом, поняла, что если не предприниму решительных действий, так и будет он уходить каждый вечер и замужество не светит. Подумав, начитавшись женских журналов, посмотревшись видео на ютубе с советами для таких как я дур, приготовила целую программу удержания Леонида. Сначала, решила, разрушим привычку, а потом и до свадьбы недалеко.

Следуя советам, я кормила Леонида обильными ужинами так, что он не мог пошевелиться к концу вечера. Пару раз даже засыпал в кресле перед телевизором. Но в одиннадцать встряхивался как петух на жерди и с ясными глазами говорил:

– Мне пора, заяц.

До чёрного кружевного белья, парфюмированных свечей и романтической музыки дело просто не доходило.

Через месяц заметила, что Леонид поправился. Живот, щёки, второй подбородок. А с привычкой ничего. После ужина дежурные «спасибо» и «мне пора, заяц».

Я отчаялась. Конечно, можно махнуть рукой на Леонида, и найти другого без вредной привычки спать в одиночестве, скажите вы. Но когда с человеком несколько лет, привыкаешь. А если человек ещё и добрый как Леонид, появляется постепенно то самое чувство – любовь. В общем, не хочу другого. Мне нужен Леонид и точка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.